

И.К. Федорова

**КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ МАОРИ:
ЗАМЕТКИ О НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ
(Из забытых материалов)**

В последние годы растет число исследований, посвященных деятельности католических миссионеров на островах Океании. Французские миссионеры оставили большое наследие, публикация которого дает ценный этнографический материал по океанийским народам. Мое сообщение посвящено священнику и миссионеру Луи-Катэрину Сервану (1808–1860), французу из семьи мелких арендаторов, живших близ Лиона.

Под влиянием возрождения религиозного рвения, охватившего Францию после революции, Серван в 1829 г. поступил в семинарию св. Иринеуса в Лионе и вошел в круг молодых священников и братьев, основавших в 1836 г. Общество Марии (маристов).

Он решил отправиться миссионером в Южные моря и отплыл на корабле «Дельфин» 24 декабря 1836 г. с епископом Дж.Б.Ф. Помпальером и братом Мишелем Коломбоном. 10 января 1838 г. Серван высадился в гавани Хокианга (Оклендский полуостров) Северного острова Новой Зеландии, чтобы основать там католическую миссию. Хокианга — это легендарное место, откуда первооткрыватель Купе отправился назад в Гавайку.

Серван был скромным, трудолюбивым и целеустремленным миссионером. Он обосновался сначала в Папакаувау на южной стороне Хокианга, затем напротив, в Пуракау, быстро овладел языком маори и с отцами Максимом Петитом и Клодом-Андре Бати создал ядро существующей и ныне католической общины Хокианга. Католических миссионеров с готовностью приняли племена, удаленные от протестантских миссий, которые уже ранее утвердились в области. Вождь-пророк Папахурихия и его последователи видели во французских католиках естественных союзников против протестантской общины в Хокианга. Несмотря на неприятие грубых суеверий учения пророка, Серван был вынужден принять предложение союза с Папахурихией. Немногим *пакеха* («европейцам») маори давали такую привилегию. Бедность Сервана сделала его более чем остальных европейцев зависимым от местных маори. Записи Сервана, таким образом, являются одним из немногих источников информации об этом вожде-пророке.

Этнографические заметки Сервана отмечены постоянным стремлением понять жизнь сообщества, в котором он оказался. Его сообщения, написанные для Верховного Мариста в Лионе между 1839 и 1842 гг., были изданы на английском языке под названием «Нравы и привычки новозеландцев» (Веллингтон, 1973). Они дают самый полный и живой отчет о жизни маори в одной области, Хокианга, которая почти не претерпела изменений. Серван прилагал все усилия, чтобы отмежевать то, что он видел сам, от слухов и домыслов, и отмечал различия между Хокианга и другими местностями. Его острый наблюдательный взгляд замечателен своей честностью и сравнительно малым использованием европоцентристских суждений. Серван, книжник по природе, живя в условиях изоляции и бедности, не был ни лидером, ни рьяным евангелистом, однако участвовал в 1841 г. в религиозных дебатах с англиканским миссионером Генри Уилльямсом. Отец Серван казался изнуренным и бледным рядом с сытым, преуспевающим отцом 10 детей Уилльямсом. Однако сила религиозной убежденности и беглость речи Сервана произвели на его маорийскую паству впечатление. В 1840 г. в письме к своему начальству Серван резко критиковал руководителя миссии Помпольера, обвиняя епископа в дурном обращении со священниками и братьями. В 1842 г., после четырех лет служения в Хокианга, Сервана отправили на остров Футуна, чтобы заменить преданного мученической смерти отца Пьера Шанэля. За 13 лет службы Серван укрепил католическую общину острова. Сам Серван переболел элфантиазисом и, видимо, холерой, потерял слух и возвратился в Сидней в середине 1855 г., чтобы поправить здоровье. К октябрю 1855 г. он отбыл на Уполу (Самоа), но возобновившаяся болезнь послужила причиной его отозвания в Сидней в 1859 г. По пути он остановился на о. Футуна, чтобы собрать информацию для беатификации Шанэля, но умер там внезапно после служения обедни утром 8 января 1860 г. Его могила находится в церкви Богоматери Мучеников на о. Футуна.

«Заметка» о Новой Зеландии миссионера отца Сервана [Servant, 1843], адресованная главному наставнику общества Св. Марии преподающему отцу Колену, была написана в Хокианга 7 сентября 1841 г., а опубликована в 1843 г. в «Анналах пропаганды веры», издававшихся в Лионе (на французском языке).

Отец Серван не только по-дружески относился к маори, с которыми его свели судьба и интерес к дальним странам, он хорошо изучил их язык, что позволило ему вжиться в культуру аборигенов и написать о них подробный отчет.

В своей «Заметке» Серван выступает как настоящий исследователь, этнограф-полевик. «Заметка» отца Сервана включает большое количество сведений не столько о материальной культуре маори, сколько об их духовной жизни начала XIX в. Оставляя в стороне материальную культуру и ее артефакты, описанные во множестве научных работ, стоит остановиться на замечаниях о характере, нравах маори, зафиксированных миссионером, пока аборигенное общество еще не подверглось влиянию европейской цивилизации.

Итак, слово отцу Сервану спустя 160 лет.

«Думаю, что я доставлю вам удовольствие, посылая заметки, которые я сделал во время моих апостольских скитаний с целью изучения нравов, обычаев и религии новозеландцев-маори», — писал он своему начальнику.

«Я попытался внести немного порядка в свое письмо, чтобы не подвергать себя нареканиям, но, прошу вас, не корите за стиль миссионера, который в течение 5 лет только и делал, что изучал язык дикарей», — и их жизнь, следует добавить от себя.

Он питался вместе с аборигенами, немного и нечасто, только два раза в день, утром и вечером, причем все ели руками — никакой посуды не было, и они в ней не нуждались. «Только у вождей было две плетеные тарелки — одна плоская, другая в форме корзинки (из листьев новозеландского льна формиума). Ночь уступает лучам восходящего солнца, и еда уже готова. По первому же сигналу сотрапезники со всех ног бегут к земляной печи и уминают все подряд. Ведь впереди целый день. У простых островитян всегда зверский аппетит — едят они два раза в сутки, а в ожидании нового урожая и вовсе один. Куски поджаренного мяса или печеный картофель маори раскладывали на циновке, или просто брали в руки, торопясь съесть один кусок и схватить что-нибудь дополнительное».

Простых людей вожди не приглашали к трапезе, но и иностранные гости ели с рабами.

«Жилище маори всегда располагались в местах, прикрытых от холодных ветров, на покрытие крыши шли большие листья пальмы никао (*Arecas sapida*), имевшие форму зонтика. Крыша хижины из двух наклонных плоскостей заканчивалась козырьком на английский манер. Спереди фасад был отделан широкой планкой — 15 см. Хижину окрашивали красной краской и украшали гротескными фигурами в память о предках. Хотя маори плохо разбирались в живописи, тем не менее они замазывали фронтон своим любимым красным цветом. Поселения были удалены один от другого, да и хижины стояли на большом расстоянии

друг от друга, поэтому островитяне встречались обычно на нейтральной территории. И вообще жизнь маори первой половины XIX в. была отчасти кочевой. Время от времени они должны были возвращаться к себе, чтобы проверить, не обосновались ли на их земле дикие свиньи или другие животные».

«Характер маори своеобразный. Они добрые, но вспыльчивые и даже мстительные. За ваше благодеяние они отдадут вам свое сердце — безоговорочно! И в то же время, если вы обидели, да еще и оскорбили кого-нибудь — он тут же забудет, скольким он обязан вам. Ярость обиды будет клокотать в его душе, как раскаты грома. Прислушаться к голосу разума он не сможет! Но насколько он неистов в гневе, настолько он нежен в своей любви! Судить об этом можно по визитам их друг к другу».

При всех трудностях своей суровой жизни маори отличались большим гостеприимством. Они очень любили принимать гостей, которые задерживались надолго — на недели и даже месяцы.

«Когда в гости приходит родственник или друг, все проявляют по отношению к нему знаки внимания и с безудержной радостью. Повсюду слышно: “Входите! Входите! Входите!” И приветливые взгляды — по случаю неожиданных гостей! Восторженные выкрики, радость сопровождается потоками слез, нежным пением и царапанием лица», потому что выступающая из царапин кровь (парциальная душа) свидетельствует об искренности и добрых намерениях.

«Вместо поцелуев маори так сильно прижимаются друг к другу носами, что их лица буквально сводит гримаса.

Если кто-нибудь из гостей спешит уйти, то хозяева будут причитать долго, но нежно и поэтично: ты вот уходишь, а мы еще не нагляделись на тебя, так мало смотрели в твои глаза. Когда гость (друг или родственник) все же собирался в путь, хозяева провожали его, время от времени присаживаясь где-нибудь и снова упрашивая гостя вернуться.

Визит вождя — торжественная встреча и большое событие в жизни маори. Место, где будут встречать вождя, тщательно чистят, покрывают ветками и листьями, а поверх раскладывают ковер из красивых циновок. Все это служит своеобразным треном. Вождя встречают, а потом и провожают проливным потоком слез — того требует ритуал».

Маори были не только очень чувствительны к песням и музыке. Когда-то у них было много разных музыкальных инструментов, но Серван застал уже одну только флейту с 4 отверстиями, которая не столько услаждала слух, а скорее утомляла своей монотонностью, так как нот у нее было мало — всего 4. Но их музыканты и поэты импровизировали с удивительной легкостью.

Отцу Сервану удалось услышать, да и не раз, как два аборигена исполняли музыкальную пьесу, сочиненную одним из них. Сервана особенно брали за душу песни, сочиненные на смерть отца (или друга) одного из музыкантов. Но большинство мелодий уже во времена отца Сервана не имели авторства, так как они считались фривольными и избитыми, исполняемыми постоянно.

«Маори не лишены доброты души и помнили тех, кто ушел в иной мир, куда не заглядывает Солнце. Они всегда носили на себе украшения и другие предметы, которые принадлежали дорогим им людям и с которыми их разлучила смерть или долгое отсутствие. Они так горевали без близких, что, не выдержав страданий, заказывали мастеру или вырезали сами деревянные фигурки с глазами из блестящей раковины *пауа*. Когда кто-нибудь приходил с визитом после долгого отсутствия, хозяева вынимали фигурки и вспоминали друзей и близких, которых унесла смерть. На украшения фигурок шли зубы акул, китовый ус, яркие перья птиц.

Маори твердо верили в привидения и вещие сны и ужасно их боялись. Часто среди ночи, когда все охвачено сном, вдруг гулко раздается крик ужаса. Женщины начинают причитать, дети плачут, вся деревня в смятении — кому-то во сне явилась тень родственника или, еще хуже, вождя, погибшего на поле брани. Островитяне поэтому очень боятся темноты, провести одному ночь вне дома, да еще без света, для маори просто мучение, настоящая пытка. Ведь кругом полно злых духов, и в тысячах мест прячется злой Танива, дух, который может сожрать человека.

Островитяне очень любили общаться друг с другом, и их разговоры бывали бесконечными. Одаренные наблюдательным умом, они повествуют обо всем очень подробно: о людях, местах, происшествиях и т.п. Нужно только иметь большое терпение, чтобы дослушать рассказ знакомого до конца и добраться до сути».

«У аборигенов сватовство включало три этапа. Сначала нужно было получить согласие девушки. После этого юноша шел к дому ее родителей, встретившись там с невестой, прижимался с ней нос к носу. Поплакав стоя около нее — вдруг ему откажут — он поет задушевную любовную песню, потом говорит, что хочет прожить с ней всю жизнь и просит ее руки. Если родители и семья девушки против брака, вожди племени пытаются выяснить, было ли согласие девушки добровольным или вызвано угрозами и давлением.

Когда юноше отказывали по каким-то причинам, возмущенный жених мог прибегнуть к силе — сама свадьба становится похожей на умыкание невесты, что приводит к кровавой борьбе между сторонниками

той или другой семьи. Но если похититель сумеет хорошо спрятать девушку от родителей, то умыкание превращается в сватовство. Если за 3–4 дня родители ее не найдут, она становится законной женой. Обе семьи складывают оружие и вражде конец.

Девушка может долго, месяцы, встречаться с молодым человеком, которого считает женихом, но если он не нравится семье и ее главе, то молодому человеку могут отказывать даже после нескольких месяцев свиданий. Ему просто говорят: “Уходи, мы еще не разглядели тебя! Мы лишь видели твои глаза”.

Тогда отец или друг незадачливого жениха начинает петь нежные, но полные печали древние песнопения маори — они вместе идут куда-нибудь подальше от людей, время от времени присаживаясь и уговаривая обиженного жениха вернуться и еще раз попросить руки любимой девушки».

«Для простых общинников полигамия была запрещена, но у вождей было множество любимых женщин. Но только некоторые из них считались его женами, что приводило к ревности и дракам.

Как только рождается ребенок, мать сама завертывает его в листья и нежно целует, т.е. прижимается носом. Затем мать надрезает малышу мочки ушей и вставляет маленькие украшения. Потом она будет вдвигать ребенку в уши серьги побольше, чтобы отверстие не зарастало. И вскоре после родов мать берется за хозяйство.

Для обряда наречения имени мать приносила ребенка на берег ручья к старшему жрецу *таура*. Жрец заостренной палочкой надрезал кожу новорожденного в пяти местах. Затем он брал младенца на руки и держал его перед своей магической палочкой, стараясь угадать его будущее.

Если этого не сделать, то считается, что ребенок не выживет или будет несчастным и ленивым. Но они были добрыми предсказателями. Если в тот момент жрец услышит воркование голубя — это знак, что в жизни ребенка ждет много важных событий. Это станет еще одним поводом для радостных надежд семьи. Заканчивая церемонию, жрец опускает малыша в воду, дает ему имя и бормочет какие-то понятные лишь ему слова, которые должны были оградить его от болезней.

За детьми маори ухаживали плохо — часто из-за какого-то суеверного страха. Мать не всегда кормила новорожденного сама, а отдавала какой-нибудь родственнице-кормилице. Когда ребенку будет 5–8 дней, мать подвешивает сверток с младенцем к ветке дерева и качает, что-то напевая. Вместо пеленок маорийки использовали листья кустарника *караму* (*Coprosma robusta*)».

«В течение долгого времени Новая Зеландия была ареной постоянных и кровавых войн, что приводило к разорению деревень. Сколько гор и долин, сколько равнин оказались опустошенными, а еще недавно они были населены племенами, с которыми знакомы были старики и которых они называли своими внуками, — война и голод их уничтожили. Причины этой враждебности — в плохом воспитании. Впитав с молоком матери воинственный нрав, островитяне с детства слышали, как их отцы, деды и соседи похвалялись славой своих отрядов, силой оружия, воспевали подвиги воинов и приветствовали резню и расправу с врагами. Легко понять, что люди, воспитанные таким образом, могут дышать только воздухом битвы. Причиной войны становилось самое незначительное оскорбление, нанесенное члену племени, смерть вождя, приписанная магии жреца враждебного племени, опустошение поля, воровство, просто удовольствие сварить голову побежденного, наконец, амбиции вождя, желавшего завоевать репутацию храбреца, — этого достаточно.

Маори часто воевали и с соседями, и с родственниками. Во время войны был важен не только перевес сил и число смелых опытных воинов. Для победы нужна была открытая борьба лицом к лицу, а зачастую и хитрость. Большая роль отводилась не только военному совету, но и одобрению ораторов и сказителей. Во время стычек между жителями разных бухт в них принимали участие и военные каноэ, вмещавшие до ста человек».

Ценность «Заметок» Сервана — в том, что он зафиксировал нравы маори первой трети XIX в., сумел адекватно передать черты их природного характера, еще не затронутого влиянием европейской цивилизации.

Servant L. Notice sur la Nouvelle Zeeland: Adresse au R.P. Colin, Superior-general de la Societe de S.Marie par le P.Servant, pretre de la meme Societe // Annales de la Propagation de la Fois. Lion, 1843. T. 15. № 86–90. P. 5–28.